

Как может быть преодолен душевный разлад человека современности?

...Русская народная душа обладает неизмеримыми глубинами и возможностями для будущего. Но необходимо, чтобы вы сознавали, что душевное, которое может подниматься до духа, которое может одушевить сам дух, ставит вас перед великой опасностью потерять себя и застрять в личном, в индивидуально-личном, потерять себя в личном как таковом. Личное становится особенно сильным, когда происходит из душевного.

...Не прошлое мы должны вносить в будущее, а новые импульсы. Не воспринимать надо будет просто какой-нибудь спиритуальный импульс, идущий с Востока, а возвращать то, что Запад может извлечь из самих спиритуальных источников.

Тогда наступит такое время, что Европа начнет — если только и вы исполните свой долг перед вашей народной Душой — понемногу понимать, чем является в духовном развитии человечества Импульс Христа.

Рудольф Штейнер.

Из обращения к русским друзьям в Гельсингфорсе 11 апреля 1912 г.

...Назначение русского человека есть, бесспорно, всеевропейское и всемирное, Стать настоящим русским, стать вполне русским, может быть, и значит только стать братом всех людей, стать всечеловеком, если хотите!

Ф. М. Достоевский

Речь на Пушкинских торжествах в Москве 8 июня 1880 г.

Для христианской совести, как и для современного хозяйства, земной шар уже стал единым живым телом.

...Человечество всегда может погибнуть. И погибнуть оно может на разных путях: в коммунизме, фашизме или в буржуазном разложении. Но спастись оно может только в христианстве.

Георгий Федотов

«Социальный вопрос и свобода» 1931 г.

Лекция в Цюрихе 10 октября 1916 года

Социальное понимание человека

Свобода мысли

Духопознание

То, что мы ищем как духовнонаучные истины, должно становиться для нас не мертвым, но живым познанием, таким, которое может действительно включаться в жизнь, — во все области и важнейшие пункты этой жизни. Является вполне естественным и само собой разумеющимся, что духовная наука сегодня пока еще часто воспринимается довольно абстрактно. И из-за этой абстрактности ее восприятия получают, может быть, даже столь отвлеченный род знания, что он оказывается поначалу малоплодотворным для жизни. А тем более, у людей, которые пока еще мало знакомы с духовной наукой, возникает следующее впечатление: к чему нам, собственно, все это — даже если мы и узнаем, что человек состоит из таких-то и таких членов и что человечество развивалось через различные культурные эпохи и будет развиваться дальше? и так далее. Людям, полагающим, что они должны, в соответствии с потребностями нашего времени, жить вполне практической жизнью, — им духовная наука действительно представляется часто довольно бесплодной. И ею и в самом деле во многих случаях бесплодно занимаются даже те, кто уже сегодня имеют для нее некоторое чувство и сердце.

При всем том, сама по себе духовная наука, как таковая, есть нечто бесконечно живое, что может, а с течением времени и должно, становиться живым вплоть до самых последних областей жизненной практики. Попытаемся прояснить себе только что сказанное на одном особенном примере. Выберем из нашей духовной науки что-то такое, что все мы, скорее всего, знаем, что нам хорошо знакомо и на чем, тем не менее, можно показать, что если рассматривать его живым образом, оно и становится постепенно вполне живым.

Большинство из нас часто уже слышали и часто принимали в свою душу представление, что нашей эпохе предшествовал так называемый Четвертый послееатлантический культурный период, в котором греки и римляне являлись самыми значительными народами, но что и в течение последующих столетий, вплоть до 14-го и 15-го, люди находились под влиянием импульсов этого Четвертого послееатлантического культурного периода, а начиная с 15-го столетия мы находимся в Пятом послееатлантическом культурном периоде, то есть что мы в своей нынешней инкарнации родились в этот период и в течение еще многих столетий люди будут жить в этом культурном периоде. Кроме того, по меньшей мере большинство из нас часто давали воздействовать на свою душу представлению о том, как в Четвертом послееатлантическом, греческо-римском культурном периоде посредством тогдашней внешней культуры и внешней работы развивалась так называемая душа рассудочная, или душа характера, и что теперешней задачей является развитие души сознательной [1].

Что означают эти слова: должна быть развита душа сознательная? То, что было только что высказано в абстрактной форме, будучи правильно понято, заключает в себе судьбу всей нашей Пятой послееатлантической

культурной эпохи для человечества. Различные народы этой, Пятой культурной эпохи должны действовать совместно, чтобы дать душе сознательной выразить себя. То, что это именно так, находит свое выражение во всех жизненных условиях и жизненных обстоятельствах. Если мы верно рассматриваем жизнь, она подтверждает нам повсюду ту истину, что наше время представляет собой изживание души сознательной. Вся человеческая жизнь в предыдущей — то есть греческо-римской — эпохе была иной. Человечеству на той ступени, на которой тогда находилось оно в послеатлантическое время, были дарованы сила рассудка и сила характера. Рассудок есть нечто, что заключает в себе многое. Сегодня уже больше не представляют себе этого достаточно полно и точно. Греки, римляне иным образом были зависимы в своей душе от их рассудка, нежели люди нашей Пятой послеатлантической культурной эпохи. Греки и римляне, поскольку они нуждались в рассудке, получали его некоторым образом уже готовым — наряду с прочими природными задатками развития. Это было совсем, совсем по-другому, чем сейчас. Человек вырастал, и в той же мере, как развивались его природные задатки, вырастал некоторым образом вместе с ними природный рассудок. Не нужно было развивать природный рассудок подобно тому, как необходимо это уже сегодня и будет становиться в Пятой послеатлантической эпохе все более и более необходимым; он развивался тогда именно как природная способность. И если человек, воплощаясь, просто развивался в естественных обстоятельствах, ему давался рассудок. Либо же он не имел его, и тогда это было чем-то болезненным. Однако, это и было тогда чем-то ненормальным, необычным.

Точно так же обстояло это и с характером (Gemüt). Он развивался так, как это соответствовало Четвертой послеатлантической эпохе. Тогда, встречая другого человека, каждый знал, каким образом, так сказать, настроиться на этого другого человека,— история говорит нам мало об этом, но все же это было именно так. Это особенно показывает большое различие между людьми прошлых столетий, вплоть до 15-го века, и людьми нашего времени. Люди этих прошлых столетий не проходили, хотелось бы сказать, со столь малым взаимным интересом мимо друг друга, как это часто бывает в наше время. Сегодня нам зачастую требуется долгое время, чтобы действительно стать между собой знакомыми. Требуется так или иначе многосторонне узнать друг друга, прежде чем мы начинаем доверять другому, возникает взаимное доверие. То, что мы обретаем (а зачастую также и не обретаем) сегодня лишь после долгого общения, это в прошлые столетия, а именно в греческо-римскую культурную эпоху, достигалось сразу же, так сказать, «одним махом» (mit einem Schlag), как только люди встречались. То, как они могли сблизиться друг с другом в силу их индивидуальности, это быстро развивалось; не требовалось столь долго обмениваться мыслями и чувствами. Знакомство быстро осуществлялось, коль скоро именно это знакомство шло на благо обоим или же нескольких людей, вступающих по мере необходимости в сообщество. Характер одного человека действовал гораздо более спиритуальным образом на характер другого. Подобно тому, как еще сегодня цвета растений воспринимаются правильным образом через органы чувств,— в Седьмом послеатлантическом культурном периоде это будет иначе, и даже для знакомства с природой понадобятся особые условия,— итак, подобно тому, как еще сегодня мы можем познакомиться с растением «одним махом», без более близкого общения с ним (через последнее мы более интимно узнаём растение, обычный же человек знакомится с растением по первому впечатлению) — так же это раньше происходило в отношениях между людьми.

Однако, таковой образ знакомства был достаточен лишь для тех, более простых жизненных обстоятельств тогдашних времен. Мы должны представлять, что этот образ взаимосвязи людей через характер хорошо соответствовал именно Четвертой послеатлантической эпохе. Ибо сегодня мир охватывает совсем иная, чем тогда, сеть взаимосвязей — через чувство. Вы ведь представляете, что взаимоотношения, совместные дела в жизненных обстоятельствах Четвертого послеатлантического периода основывались в большинстве случаев на личной встрече, и то, что решалось между людьми, решалось при личных встречах. Искусство книгопечатания, через которое сношения между людьми вплоть до сегодняшнего дня становились все безличностнее, а в будущем станут еще более безличностными, возникло ведь только в Пятом послеатлантическом периоде. А нынешние обстоятельства взаимоотношений связывают людей таким образом, что если бы сейчас отношения возникали, как когда-то, «одним махом», они не могли бы быть ко благу. Вследствие всех этих сегодняшних особенностей взаимоотношений люди встречают друг друга в мире намного, намного безличностнее.

Сообразно этому и организовывается человечество, которое теперь уже не получает готовым характер, могущий действовать «одним махом», не получает готовым и пронизательный рассудок, но развивает через душу сознательную нечто, хотелось бы сказать, намного более обособленное, намного более индивидуализированное, организованное более в направлении эгоизма и, так сказать, человеческого одиночества и собственном теле, чем это было свойственно душе рассудка, или характера. Благодаря душе сознательной человек в гораздо большей степени является обособленным индивидуумом, можно сказать, отшельником, странствующим через мир, чем это было благодаря душе рассудка, или характера. Это как раз важнейшая характеристика уже для нашего времени, и это будет все более и более усиливаться, что люди будут замыкаться в себе. Душа сознательная наделяет тенденцией самозамыкания от остального человечества, склонностью к более изолированной жизни. Вследствие этого становится все труднее знакомиться, и особенно — становиться близкими с другими; как необходимое условие требуется сначала обстоятельное знакомство, чтобы стать близкими с другим человеком.

Что же должно быть достигнуто благодаря этому? Мы поймем это лучше, если хорошо обдумаем духовнонаучную истину, которая говорит нам: то, как мы, люди, встречаем сегодня в жизни друг друга, это не случайно, поистине не случайно. Жизненные пути приводят нас к встрече с некоторыми людьми, к встрече же с другими не ведут. Основывается же это на действиях кармы отдельных людей. Ибо мы теперь вступили в такой период развития человечества, который в определенном отношении привел к некой вершине прежде кармическое развитие, через которое прошли люди. Подумайте только о том, насколько меньше кармы имели люди накопленной в первые времена земного развития! С каждым разом, как мы воплощаемся, образуется новая карма. Люди, ведь, должны были поначалу вступать на Земле в отношения друг с другом без того, что раньше они уже бывали вместе, и потому всякий раз должны были плести все новые отношения. Но из-за того, что мы раз за разом бывали инкарнированы на Земле, мы постепенно вступили в такие условия, что, как правило, человека, с которым мы не пережили бы то или иное в прежних инкарнациях, мы, собственно, уже и не встречаем. К встрече с другими людьми нас приводит пережитое в прежних инкарнациях. Кажется «случайным», что те или иные люди встречаются друг друга, но в действительности все это основывается на прежних инкарнациях, где имела место встреча, где порождались силы, приводящие теперь определенным образом к встрече.

Отныне замкнутая в себе душа сознательная — как это и должно происходить в нашу эпоху — может развиваться лишь в условиях, когда меньшую роль играет возникающее между людьми в настоящее время, нежели то, что действует, так сказать, отшельнически во внутреннем, восходит в нас изнутри как результат прежних инкарнаций. В греческо-римскую эпоху было еще так, что когда встречались два человека, они должны были произвести друг на друга обоюдное впечатление, и таковое должно было действовать «одним махом». Сегодня же, когда мы встречаем друг друга, то для того, чтобы более изолированная душа сознательная могла формироваться в человеке, дело должно обстоять следующим образом. Один человек встречает другого, и более действенным должно становиться то, что в том или другом человеке восходит как результат прежних инкарнаций. Это требует чего-то более длительного, чем непосредственное узнавание, так сказать, по внешнему виду. Это требует того, чтобы люди лишь постепенно, из ощущения, инстинктивным образом давали бы восходить тому, что они уже пережили с этим человеком. Именно это требуется сегодня от нас: чтобы мы узнавали друг друга, чтобы индивидуальности сначала взаимно «притерлись» (*erst sich abschleifen*). Ибо это узнавание, эта «притирка» индивидуальностей есть условие, чтобы восходили — пока еще бессознательно, инстинктивно — реминисценции, последствия прежних инкарнаций. И только если человек более из своего внутреннего вступает в отношения с другими людьми, может формироваться душа сознательная; в то время как душа рассудка и характера формируется больше через взаимоузнавание «одним махом» при встрече (*im Gegenübertreten*).

Так закономерно соотносятся вещи между собой. И то, что я вам только что охарактеризовал, находится относительно Пятой послеатлантической эпохи еще в самом начале. Находить правильное отношение друг к другу будет все труднее и труднее людям в течение этой Пятой послеатлантической эпохи, ибо это нахождение правильного отношения друг к другу требует как раз внутреннего развития, внутренней деятельности. Это уже началось, но начавшись, будет все более и более распространяться, становиться все интенсивнее и интенсивнее. До какой же степени уже сегодня становится трудно для людей, приводимых кармой друг к другу, непосредственно понимать друг друга! И это потому, что они, быть может опять-таки из-за других кармических обстоятельств, не в силах инстинктивно и живо ощутить все отношения, проистекающие в настоящее время из прежних инкарнаций. Люди приводятся друг к другу, любят друг друга; это проистекает как известное следствие из прежних инкарнаций. Однако, другие силы противодействуют этому, когда такая реминисценция всплывает, и люди вновь расходятся. И уже не только лишь подобным образом встретившиеся в жизни люди должны бы пытаться проверить, не достаточно ли того, что всплывает в них, чтобы заложить длительную связь, но уже и сыновьям, дочерям становится все труднее понимать отцов и матерей, все труднее и труднее становится родителям понимать своих детей, братьям и сестрам понимать друг друга. Обоюдное понимание становится все труднее и труднее, ибо все более и более становится необходимым, чтобы люди сначала действительно из внутреннего давали всплывать (*aufsteigen lassen*) тому, что таится в них кармически.

Вы видите, сколь негативного рода перспектива открывается для Пятой послеатлантической эпохи — трудность взаимопонимания между людьми. Это, однако, требует, чтобы мы ясно видели это условие развития, чтобы мы не желали сновидчески проводить свою жизнь в темноте, ибо это условие развития — абсолютно необходимо. Если бы эта трудность взаимного узнавания людей не была предназначена человечеству Пятой послеатлантической эпохи, тогда душа сознательная не могла бы развиваться, тогда люди должны бы были жить в сообществе больше из природных предрасположений. Тогда не могло бы формироваться индивидуальное души сознательной. Так что это необходимо — чтобы люди прошли через это испытание. Однако, и другая сторона дела должна ясно предстать перед нашими глазами, ибо само собой разумеется, что если бы имела место лишь указанная негативная сторона условий развития Пятой послеатлантической эпохи, тогда в человечестве этой эпохи война и распря должны были бы возникать во всем вплоть до самых ничтожных обстоятельств. Отсюда мы видим, что в этой Пятой послеатлантической эпохе инстинктивно проявляется определенная сумма потребностей, которые, однако, должны формироваться все сознательнее и сознательнее. И все более сознательно формировать их есть одна из задач духовной науки в отношении человечества Пятой послеатлантической эпохи.

Мне достаточно сказать лишь одно, чтобы каждому из нас сразу открылось, как должно искаться средство исцеления против этой тенденции, которая неизбежно должна проявляться, — против трудности взаимного понимания. Мне достаточно лишь сказать: должно быть пробуждено — и именно сознательно, ибо мы живем в эпоху души сознательной — должно нее более и более пробуждаться в этой Пятой послеатлантической эпохе чувство для социального понимания. В этих нескольких словах уже охватываются потребности, которые еще в Четвертой послеатлантической эпохе имели место совсем не в такой мере. Кто в состоянии правильно исследовать структуру гречества, структуру римства, тот знает, что предрасположенность к индивидуализму в человечестве внутри этого гречества и римства была не такой, какова она теперь в европейском или также в лишь выделившемся из европейского американском человечестве. Вы хорошо это поймете, если сравните отдельного человека с родом в животном мире, — можно сразу взять радикальный пример для лучшего сравнения.

Почему род животных живет внутри себя в определенных границах? Это ведь оттого, что они предрасположены к этому их групповой душой, их душой рода. Это нечто врожденное для животных родов, это там нечто само собой разумеющееся; но они и не могут из этого вырастать, они должны там оставаться. Человек же должен вырастать. Каждый отдельный человек должен индивидуально развиваться; и особенно в нашу сегодняшнюю эпоху души сознательной одной из главных задач является это индивидуальное саморазвитие (Sich Ausbilden). В греческой же и римской культуре еще присутствует оттенок родовой душевности (Gattungsseelentum). Более того, мы видим, что человек там поставлен в некоторый социальный порядок; и хотя этот порядок получал свою структуру, свою формацию больше через моральные силы, все же это была жесткая формация. Однако, в Пятой послеатлантической эпохе эти формации будут все более и более размываться. Этот оттенок родовой душевности, который присутствовал еще в Четвертой послеатлантической эпохе, он не имеет больше смысла для нашей Пятой послеатлантической эпохи. Зато должно сознательным образом появиться социальное понимание, а это означает, что должно появиться всё то, что происходит из глубокого понимания подлинного индивидуального человеческого существа.

Поначалу это правильное понимание будет развивать как раз духовная наука. И если духовная наука [сама] будет все более и более развиваться из абстрактного во что-то конкретное и полное жизни, тогда в кругах, занимающихся духоведением, распространится совсем особенный, хотелось бы сказать, способ человековедения, пробуждения интереса к человеку. Тогда появятся люди, имеющие определенный дар просвещать своих современников в том, что людям присущи разные темпераменты, что людям свойственны разные предрасположенности характера и что человек, имеющий один темперамент, должен приниматься так, а другой, имеющий иное предрасположение характера, иной темперамент, должен приниматься иначе. Тогда появятся люди, обладающие особым даром просвещать других людей в том, чему уже весьма необходимо учиться; они будут учить: присмотритесь внимательнее — имеется вот этот человеческий тип, имеется другой человеческий тип, и надо одного человека принимать так, а другого иначе. Будут заниматься практической психологией, практическим учением о душе, но и практическим учением о жизни, и вследствие этого появится подлинное социальное понимание развития человечества.

Ведь что до сих пор выступало в качестве социального понимания? До сих пор выступали абстрактные идеалы, самые разные абстрактные идеалы осчастливливания человечества, народов, те или иные социализмы. Осуществись на самом деле в мире эти выступающие здесь или там социальные идеи, и тогда увидели бы лишь только то, как нельзя делать... То, о чем должна идти речь, это прежде всего вовсе не основание обществ или сект с определенными программами, но распространение учения о человеке, практического познания человека, и именно такого познания человека, которое делает для нас возможным правильно понимать становящегося, растущего человека, правильно понимать ребенка, то, как развивается каждый ребенок с его собственной индивидуальностью. Благодаря этому мы учимся так устанавливать себя в жизни, что если вследствие кармы мы предстаем перед каким-то человеком, с которым должны вступить в то или иное близкое отношение, мы развиваем тогда имеющиеся уже в нас правильные кармические последствия (karmischen Wirkungen) в правильные, длительные взаимоотношения, именно в такие взаимоотношения, что действительно могут становиться самыми плодотворными для жизни. Практическое учение о человеке, практический действенный интерес к человечеству - вот что важно. Сегодня человечество в этой области ещё не особенно преуспело, еще совсем мало преуспело.

Как судим мы сегодня о человеке, которого встречаем? Он нам симпатичен, либо антипатичен. Посмотрите, как повсюду в мире в большинстве случаев это — единственное суждение; если же и образуют другие суждения, то как подчинены и они единственной точке зрения: этот симпатичен мне, а этот мне антипатичен, либо: это в нем мне симпатично, а то в нем мне антипатично. Предвзятые мнения! Представляют себе: этот человек должен быть, в сущности, таким-то и таким-то; обнаруживая, что человек в том или ином другой, ему выносят приговор... До тех пор, пока не прекратится этот вид признания того или иного человека симпатичным или антипатичным из предрассудков, из особых предпочтений, питаемых в отношении его характера, и пока не распространится убеждение, что человека надо принимать таким, каков он есть,— до тех пор невозможно будет продвинуться в подлинном практическом знании человека [2].

Вдумайтесь только, как весьма часто сегодня, когда в той или иной ситуации встречаются два человека, в одном из них сразу же возникает нечто вроде антипатии, он испытывает неприязнь к другому; вдумайтесь только, как из-за этого всё, что он потом делает в отношении этого человека, делается в свете этой неприязни (Nichtmögen). Вследствие этого очень часто кармическая связь совершенно гасится, уходит на совершенно неверную дорогу и должна быть вновь отложена до следующей инкарнации, когда эти люди снова встретятся. Симпатии и антипатии есть величайшие враги подлинного социального интереса. В большинстве случаев этого не замечают. Зная, насколько важно подлинное социальное понимание для дальнейшего развития человечества, обращаешь внимание, подчас с ужасной тяжестью на сердце, на то, как действуют в школе иные учителя, которые из определенных предрассудков находят одного ученика с самого начала симпатичным либо антипатичным — в отличие от другого. Часто это просто ужасно; ведь дело как раз в том, чтобы каждого принимать таким, каков он есть, и исходя из того, каков он, стараться делать наилучшее.

Но то же самое проявляется в наших общественных институтах. Наши учреждения, наши социальные законы, часто ужасно нивелирующие индивидуальность учителя, они ведь уже таковы, что в действительности и не позволяют принимать индивидуальность во внимание. И потому истинное понимание духовной науки должно действовать так, чтобы практическое учение о душе, практическое учение о человеке принималось во всеобщий интерес. Это необходимо для социального понимания, для того, чтобы создать определен--ного рода противовес трудностям взаимопонимания.

Это является тем, что должно особенно выступить в Пятой послеатлантической эпохе, дабы человечество смогло вполне развить душу сознательную. Люди должны во всем проходить через испытания, в процессе которых им поперек дороги встают противоборствующие силы. Так и чувства симпатии и антипатии действительно будут все более распространяться, и только в борении, в сознательном борении с поверхностными чувствами симпатии и антипатии сможет быть правильным образом рождена душа сознательная. Точно так же все более и более будут выступать против социального понимания между человеком и человеком национальные чувства и ощущения, которые в сущности лишь в 19-м веке стали возрастать в той форме, как они существуют теперь, и которые чрезвычайнейшим образом (in eminentester Weise) противодействуют социальному пониманию, подлинному интересу человека к человеку. И будучи такими, какими выступают они сегодня, эти национальные противоречия, национальные чувства симпатии и антипатии, они являются сильнейшим, ужасным испытанием для человечества, ибо благо состоит только в том, чтобы они были преодолены. Если бы случилось так, что эти чувства симпатии и антипатии, происходящие из национального ощущения, продолжали бы и дальше проявляться так, как это выглядит теперь, в этом случае человечество бы проспало развитие души сознательной. Ибо национальные чувства идут в противоположном ей направлении; они идут к тому, чтобы не дать человеку становиться самостоятельным, но воздействовать на него так, чтобы он представлял лишь как некая копия, некое отражение той или другой групповой общности, национальности. [3]

Это первое, на что должны обратить мы наш взгляд, когда практически проводим перед нашей душой тезис — в ином случае вполне абстрактный — о том, что в этой Пятой послеатлантической эпохе душа сознательная должна особенно продвигаться к развитию.

И ещё нечто должно произойти в этой Пятой послеатлантической эпохе, если должна действительно раскрыться душа сознательная. В людях, поскольку они становятся все более и более индивидуальными, неизбежно должно происходить определенное запустение, настоящее запустение религиозной жизни в том случае, если эта религиозная жизнь не желает становиться соответствующей нашей Пятой послеатлантической эпохе, а хочет оставаться такой, как это было правильно для Четвертой послеатлантической эпохи. Для той эпохи было правомерно возникновение групповых религий, так как люди тогда еще опирались больше на групповую общность. И как бы требовалось, чтобы на человеческие группы изливалось общее в догмах, общее в религиозных принципах, в религиозных идеях. Поскольку стремление к индивидуальности, по мере становления души сознательной, будет становиться все сильнее и сильнее в течение Пятой послеатлантической эпохи, будет так, что гласящее из групповых религий больше не станет проникать к сердцу, к индивидуальности отдельных душ. И люди просто не будут уже понимать того, что идет к ним из групповых религий. В Четвертой послеатлантической эпохе могли еще поучать о Христе людей как группу, в Пятой же послеатлантической эпохе Христос действительно вступает уже в отдельные души. Мы все в бессознательном или подсознательном уже несем в себе Христа. Однако Его присутствие должно еще быть приведено к пониманию в самих нас. Это происходит не через навязывание людям неподвижных, твердых, застывших догм, но это происходит через стремление способствовать всему тому, что может помочь людям всесторонне понять Христа, и вообще разносторонним, всесторонним образом способствовать религиозному познанию, действительно делать все, что этому может способствовать. Вот почему в этой Пятой послеатлантической эпохе именно в отношении идей религиозной жизни должна все более и более вступать толерантность. И если на протяжении Четвертой послеатлантической эпохи дело еще обстояло так, что для религии действовали, сообщая своим ближним определенную сумму догм, незыблемых положений, то в Пятой послеатлантической эпохе это должно становиться совсем иным. Теперь дело заключается совсем в другом. Теперь дело в том, чтобы именно потому, что люди становятся все более и более индивидуальными, стремиться вовсе освободиться от догм и свободным от догм образом сообщить другому человеку, то что, из личного

внутреннего переживания, действительно так до него это донести, чтобы его собственная свободная идейно религиозная жизнь мыслей могла индивидуально в нем развиваться.

Догматические религии, отдельные незабываемые догмы, конфессии — они действительно задушат в Пятой послееатлантической эпохе религиозную жизнь. Поэтому ныне становится правомерным, чтобы людям все более и более становилось понятно: в первые столетия христианства особенно подходящим для людей было одно, действовало одно, в последующие же столетия — другое. Однако, существуют и другие религии. Правомерно, если пытаются сделать понятным существо других религий, пытаются делать понятными разные стороны постижения Христа и таким образом проводят перед каждой душой то, что эта душа может сама углубить. Но при этом не пытаются формировать саму душу, именно в религиозной области ей оставляют свободу мысли, чтобы дать этой свободе мысли прийти к расцвету. В той же мере, как необходимо социальное понимание в том пункте, что я охарактеризовал раньше для Пятого послееатлантического периода, так и в области религии основным условием для развития души сознательной является свобода мысли. Итак: социальное понимание в сфере совместной жизни людей - свобода мысли в сфере религии, религиозной жизни.

Пытаться все более и более пронизать пониманием религиозную жизнь и благодаря этому быть в состоянии понимать наших ближних, даже если каждый развивает свою собственную религиозную жизнь, — на это мы должны все более и более обращать внимание, ибо это является основным условием для Пятой послееатлантической эпохи и должно быть сознательно достигнуто собственными силами. Именно в эпоху души сознательной ариманические силы более всего все снова нападают на эту свободу мысли, и мы видим, как конфессии повсюду враждебно взирают на основной нерв духовнонаучного мировоззренческого движения — на развитие свободы мысли; мы видим, как много клеветы именно в адрес духовной науки имеет место просто потому, что духовная наука хочет с полным, исполненным света пониманием встречать рождение души сознательной, а не желает развивать такую религиозную жизнь, что зиждется еще на доминировании души рассудка, или характера, и поддерживается ею, как это происходило в Четвертой послееатлантической эпохе. Нынешние формы христианства закладывались еще в Четвертой послееатлантической эпохе, исходя из потребностей греческо-римской культуры. Сегодня они уже как церковные формы непригодны и будут становиться всё более и более непригодными для того, чтобы давать взойти (*heraufkommen lassen*) свободе мысли. А она должна восходить всё более и более [4].

И вот, именно в то самое время, как едва зашевелился в соответствии с современной жизнью, можно сказать, первый росток страстного желания (*Bedürfniss*) свободы мысли, как тотчас же принялась за дело противоположная сила, действующая в том, что можно было бы назвать иезуитизмом различных религий — хотя этим понятием охватываемо многое, что следовало бы характеризовать в частности, в деталях. Он был вызван к жизни, в сущности, для того, чтобы послужить сильнейшему сопротивлению свободе мысли, которая есть жизненная потребность Пятой послееатлантической эпохи. И будет все более и более необходимо, чтобы во всех областях этот противостоящий свободе мысли иезуитизм был отброшен — для блага Пятой послееатлантической эпохи; ибо излучающаяся из религиозной жизни свобода мысли должна расцветать во всех жизненных областях. Но именно потому, что она должна быть завоевана самостоятельно, человечество некоторым образом подвергается испытанию, и повсюду возникают самые большие трудности. И эти трудности возрастают потому, что человечество Пятой послееатлантической эпохи должно как раз развиваться к ясности сознания, но ощущает это вначале (*zunächst*) как неудобство и потому во многих отношениях усыпляет себя.

И вот, мы видим, что имеет место острая борьба между возникающими ростками свободы мысли и воздействующим из старых времен, воздействующим в наше время принципом авторитета И одурманивающая тяга предаваться иллюзиям, порождаемым верой в авторитет — она ведь налицо! В наше время вера в авторитет неизмеримо возросла, стала неизмеримо интенсивней, и под ее воздействием развивается определенная беспомощность людей относительно способности суждения. В Четвертой послееатлантической эпохе здравый смысл давался человеку как природный дар; сейчас человек должен его завоевывать, сам развивать его. Вера же в авторитет препятствует этому. Мы однако, становимся совершенно затянутыми в сбрую веры в авторитет. Подумайте лишь, насколько беспомощными предстают люди по сравнению с неразумными созданиями — животными! Как много имеет в себе животное от инстинктов, которые ведут его благотворным образом, даже из болезни выводят его благотворным образом к выздоровлению, и как упрямо действует сегодняшнее человечество вопреки здравому смыслу в этой области! Здесь современное человечество совершенно поработчено авторитетом. Суждение о благотворных жизненных условиях современное человечество не склонно приобретать. Конечно, существуют похвальные стремления в разного рода объединениях и тому подобное. Но все эти стремления должны становиться гораздо интенсивнее, а прежде всего должно быть понято, как мы все больше и больше движемся к вере в авторитет и как изобретаются целые теории, служащие, в свою очередь, фундаментом для воззрений, укрепляющих именно веру в авторитет. В области медицины, в области юриспруденции, да и во всех прочих областях люди заранее объявляют, что это не их забота — приобретать себе понимание, и потому они и впредь будут благосклонно принимать все, что говорит наука. При сложности современной жизни это вполне можно понять. Но под влиянием такой власти авторитета люди становятся все беспомощней и беспомощней; и в том, чтобы систематически формировать эту власть авторитета, эту установку на авторитет, и состоит принцип

иезуитизма. И иезуитизм в католической религии является лишь специализацией его успехов, равным образом имеющих место в других областях, где это не так легко замечается. Иезуитизм поначалу возникал как иезуитизм в церковно-догматической сфере с тенденцией удерживать власть папства, и это продолжается из Четвертой послееатлантической эпохи в Пятую, для которой это больше непригодно. Но тот же иезуитский принцип будет незаметно переноситься в другие области жизни. Уже сегодня мы видим, как иезуитизм выступает в области медицины, и там он едва отличается от иезуитизма в области догматической религии. Мы видим, как стремятся из определенной медицинской догматики к возвышению власти сословия врачей. В этом и состоит существование иезуитского устремления также и в других областях. Это будет становиться все сильнее и сильнее. Люди будут все более и более становиться зашнурованными в то, что предписывает им авторитет [5]. И благо для Пятой послееатлантической эпохи будет состоять в том, чтобы наперекор этим ариманическим противодействиям — ибо они именно таковы — заявила свои права душа сознательная, которая хочет развиваться. Но это возможно лишь тогда, если люди действительно хотят развивать разум, здоровую способность суждения, — ибо они больше не получают природный разум готовым, подобно, скажем, обеим своим рукам, как это было, к примеру, еще в Четвертой послееатлантической эпохе. Развитие души сознательной требует свободы мысли, но эта свобода мысли может преуспевать лишь в совершенно определенной ауре, совершенно определенной атмосфере.

Указанные трудности присущи Пятой послееатлантической эпохе именно потому, что она стремится к совершенно определенному направлению развития: к развитию души сознательной. Однако эта душа сознательная должна встречать противодействия, должна проходить через испытания — именно потому, что она должна развиваться как душа сознательная. И мы видим, как возрастает самое неистовое сопротивление и социальному пониманию, и свободе мысли. А сегодня даже не понимают, что имеют дело именно с сопротивлением; ибо в самых широких кругах это сопротивление рассматривается как нечто правильное, чему вовсе не надо противодействовать, а напротив, надо как раз особенно способствовать.

Имеется, однако, уже много, много людей, имеющих достаточное понимание и сердце, открытое тому, что обступает современного человека, имеющих открытое восприятие (Sinn) и достаточное понимание для того, что видно уже сегодня: как, вследствие вступления кармических отношений между людьми в охарактеризованный ранее кризис, начинается вышеописанное, и дети больше не понимают родителей, родители — детей, брат и сестра не понимают больше друг друга, не понимают друг друга народы. Уже сегодня есть достаточно людей, которые с обливающимся кровью сердцем встречают это состояние взаимоотношений, хотя и неизбежное, но лишь будучи пронизано пониманием действующее правильно. Ибо из такой сердечной боли должны быть сознательно обретены импульсы для этого нового мирового явления (Weltenwirken). Отчуждение людей друг от друга будет возникать само собой. То же, что будет происходить из человеческого сердца, к этому необходимо стремиться сознательно. Каждая отдельная душа в Пятой послееатлантической эпохе идет навстречу трудностям. И это потому, что только через испытания, через преодоление этих трудностей может быть развита душа сознательная.

Но вот является сегодня иной человек и говорит: ах, я не чувствую, что я должен делать, исходя из себя самого, я не знаю, как мне найти свое место в жизненных связях. — Это происходит из того, что он не нашел пока правильной возможности ясно осмыслить потребности сегодняшнего времени и положения в нем (des Darinnenstehens) человека. Вплоть до физической болезни, вплоть до физической неустойчивости складываются обстоятельства уже сегодня для многих людей. Вместо этого должно придти правильное понимание. Правильное понимание — вот то, что должно требоваться все более и более, все интенсивней и интенсивней. То, что начинает изливаться на человечество — ибо это неизбежно для Пятой послееатлантической эпохи, — это будет приносить опасность душевной угнетенности, душевного разлада в том особом нюансе, как это было обрисовано.

Многие люди видят это и чувствуют необходимость, действительную необходимость прийти, с одной стороны, к социальному пониманию, а с другой — к свободе мысли. Но пока еще немногие, слишком немногие склоняются к тому, чтобы избрать для этого правильные средства. Тому, что необходимо для социального понимания, часто пытаются послужить самыми различными идеалистически звучащими речами. Как много всего пишется сегодня о необходимости индивидуального подхода к подрастающему человеку! Каких только полных подробностей теорий не выдумывается во всевозможных педагогических областях! Это не то, в чем заключается дело. Возможно больше соответствующих реальности характеристик того, как в действительности развиваются люди, соответствующая реальности, хотелось бы сказать, естественная история индивидуального человеческого развития — вот то, что должно распространяться, пронизанное пониманием; требуется чтобы мы, где только можем, прослеживали, как развивался человек «А», человек «Б», человек «В», и с любовью пытались бы постичь развитие отдельного человека, разыгрывающееся перед нами. Вот то, что требуется прежде всего: изучение жизни, воля к построению действительного человековедения, а отнюдь не к программе; ибо теоретическая программа есть враг Пятой послееатлантической эпохи.

Когда организуются общества, то в соответствии с Пятой послееатлантической эпохой они, в сущности, должны бы были организовываться так, что самым важным там являлись бы люди, собирающиеся в этих обществах, и всё то, что там происходит, действительно происходило бы из взаимных отношений этих реальных людей. И если на это обращается внимание, тогда там будут удаваться весьма индивидуальные вещи. Как сегодня

обычно поступают? Начинают с того, что составляют статуты. Несомненно, это может быть весьма прекрасным, возможно и необходимым, так как внешние обстоятельства как раз требуют статутов. Но именно в нашей области надо ясно понимать, что все разговоры о программах и статутах являются лишь уступками миру и что совместно жизнь, проистекающая из реального человека,— вот в чем должно быть дело; взаимное понимание — вот что важно. Вот тогда для Пятой послеатлантической эпохи появятся возможности — ибо мы имеем еще столетия впереди,— чтобы из круга тех, кто имеет для этого понимание, проникало бы вовне, в [наш] общий мир понимание индивидуального развития, понимание исполненной жизни развития. Проникало бы в тот [наш] общий мир, который сегодня, словно в «испанский сапог», зашнуровывает все в параграфы, в параграфы или в законы, или во что-нибудь похожее. Потому мы и видим, как с церковных кафедр, с остальных трибун вытекают спасительно звучащие учения, призванные поучать саму жизнь. Мы видим, как повсюду выступают учения, буквально сочащиеся абстрактностью, в которых людям демонстрируют всевозможные идеи и идеалы. Не в этом должно быть дело, но единственно в том, чтобы с пониманием проникать в конкретное, в действительно реальную жизнь. Но как это может сегодня происходить?

Совершенно само собой разумеется, что будут с полным, полным правом возражать тому, что здесь было сказано: «да, но мы ведь все не можем присвоить себе право судить о том, что сегодня действительно исходит от авторитета в какой-то области. Подумайте лишь — так будут говорить,— сколько надо проучиться тому, кто решил стать врачом! И это закономерно, что он этому учится; но ведь не можем же мы все тоже этому учиться, а также учиться всему тому, что необходимо, чтобы стать юристом, художником и так далее. Мы же не в состоянии!» Конечно же, мои дорогие друзья, мы не можем этого, это несомненно; но мы ведь и не должны быть профессионально действующими (schöpferisch sein) во всех этих областях, мы должны лишь быть способными выносить суждение. Мы должны прийти к возможности и в самом деле давать авторитету возможность действовать, но при этом быть в состоянии выносить суждение об авторитете. Мы приходим к этому не через усвоение, не через вникание действительно вовсе отдельные специальности, но через овладение самой возможностью суждения — через что-то такое, что может всеобъемлющим образом сформировать нашу силу суждения. Но это никогда не сможет осуществиться из материального познания отдельных специальностей, а лишь из всеобъемлющего духопознания.

Духовная наука должна становиться центральным познанием. Ибо это духовная наука будет не только освещать взаимосвязи в развитии человека, но через сам вид мыслей, который присущ ей, она будет развивать в нас здравый смысл, который сегодня должен быть поднимаем из гораздо больших глубин, нежели это было в греческо-римской культурной эпохе, Четвертой послеатлантической эпохе. Отличающийся от присущих другим наукам вид образования понятий, образовании представлений, который необходим для духовной науки, он не делает нас способными становиться авторитетом в той или иной области, но делает способными выносить суждения. А почему это так, мы будем понимать все более и более, ибо существуют сокровенные силы в человеческой душе, и эти сокровенные силы, мистериальные силы будут связывать человеческую душу с духовным миром; посредством же этой связи, образующейся между человеческой душой и духовным миром, посредством того, что мы вникаем (eingehen auf) в духовную науку, мы окажемся способны выносить суждение в отдельном случае, когда стоим перед авторитетом. Мы не будем знать всего того, что может знать авторитет; но если авторитет что-то знает и совершает в отдельном случае то или иное, мы будем в состоянии судить об этом.

Мы должны это особенно подчеркнуть как нечто, что должно быть принесено через духовную науку,— что она не только обучает людей, но делает их в указанном отношении способными к суждению, то есть что лишь она дает возможность свободы мысли, лишь она способствует независимости мысли. Духовная наука не делает нас медиками, но она делает нас способными судить о том, что вступает через медика в повседневную жизнь — однако лишь если мы правильно вникаем и духовную науку. Когда однажды будет понято, что я здесь, имею в виду, тогда многое, многое поймут в отношении благотворных сил Пятой послеатлантической эпохи. Ибо очень, очень многое заключено в том, что я имею в виду, когда говорю, что духовная наука будет как бы преобразовывать (ummodelln) человеческое понимание, так что человек станет способным к суждению, станет высвобождать силу понимания из своей душевной жизни. Только через это может он в действительности завоевать свободу мысли.

Хотелось бы, если позволите, выразить эти мысли еще и в образной, имагинативной форме. В духовной науке мы слышим о действительном духовном мире, о конкретном духовном мире, об элементарных существах, которые нас окружают; мы слышим об Иерархиях, об Ангелах, Архангелах и так далее. Мир наполняется для нас конкретным духовным содержанием, или духовными силами и духовными существами. И этим существам, что живут там, в духовном мире, им вовсе безразлично, знаем ли мы о них! В Четвертом послеатлантическом периоде им это еще было более или менее безразлично. Но в Пятом послеатлантическом периоде это уже для них больше не безразлично, но напротив, если люди здесь на Земле ничего о них не знают, это как бы лишает этих существ духовного питания. Духовный мир всецело связан с этим физическим земным миром. Вы лучше всего это поймете, если я вам скажу нечто, что теперь еще покажется вам парадоксальным, но что все же вполне истинно. Ибо, хотя сегодня пока еще лишь немногое может быть сказано, все-таки некоторые истины должны быть сообщены уже в наши дни, потому что люди не должны больше жить без этих истин.

Взгляните: с точки зрения живущих здесь на Земле людей правомерно говорить, что с Мистерией Голгофы в земную жизнь вступил Христос и пребывает с того момента в земной жизни. И с точки зрения определенных ощущений можно рассматривать как счастье для земной жизни, что в нее вступил Христос. Однако, поставьте себя теперь на точку зрения Ангелов — и эта точка зрения не выдумка с моей стороны, эта точка зрения есть нечто, что предстает как нечто реальное для оккультного исследователя,— поставьте себя на точку зрения Ангелов. Они пережили нечто другое в их духовной сфере: они пережили противоположное этому! Христос ушел из их сферы к людям, Он покинул их сферу Они должны сказать себе: «Христос ушел через Мистерии Голгофы из нашего мира!». Для них в этом основание печалиться в той же мере, в какой люди могут ощущать спасительным приход к ним Христа, поскольку люди живут в физическом теле. И это действительно соответствующий реальности ход мысли; тот, кто действительно знает духовный мир, знает: для Ангелов, для которых правильно то, что я попытался выразить, существует лишь одна возможность для спасения (Erlösung) и она состоит в том, чтобы люди здесь на Земле в своих физических телах жили с мыслью о Христе и чтобы мысль о Христе как свет возносилась к Ангелам, со времени Мистерии Голгофы как свет возносилась бы к Ангелам. Люди говорят: Христос вступил в нас, и мы можем так развить себя, что Христос будет в нас жить — «Не я, но Христос во мне». Но Ангелы говорят: «Из нашего внутреннего Христос ушел, Он ушел из нашей сферы, и он сияет нам вверх как многое множество звезд в христовой мысли отдельных людей; через это познаём мы Его вновь, через это Он светит нам со времен Мистерии Голгофы». — Имеется реальное отношение между духовным миром и человеческим миром. И это реальное отношение находит выражение также в том, что те духовные существа, которые помимо нас населяют духовный мир, что эти духовные существа могут с благоволением, с удовлетворением, с переживанием своего рода искупления (Genugtuung) взирать на мысли, которые мы в состоянии образовать об их мире. Только если мы в состоянии образовать о них мысли, могут и они помогать нам; и если мы при этом и не достигли еще того, чтобы ясновидчески лицезреть духовный мир, но можем знать о них, они могут помогать нам. Мы изучаем духовную науку, и тогда нам приходит помощь из духовного мира.

Важны не только те вещи, что мы изучаем, не только познания, но важно, что сами существа высших Иерархий помогают нам, если мы о них знаем.

И вот, когда мы стоим в Пятой послееатлантической эпохе перед авторитетом, для нас является благом, если мы имеем за собой не только наше собственное человеческое разумение, но в нашем разумении могут действовать духовные существа — если мы о них знаем. Они делают нас способными к суждению в отношении авторитета. Духовный мир помогает нам. Мы нуждаемся в нем, мы должны знать о нем, мы должны его сознательно принять. И это есть третье, что должно придти для Пятой послееатлантической эпохи.

Первое - это социальное понимание человека, второе - обретение свободы мысли, третье есть живое знание о духовном мире через духовную науку. Эти три вещи должны быть великими реальными идеалами для Пятой послееатлантической эпохи. В область социальной жизни должно придти социальное понимание, в область религиозной и прочей совместной жизни людей — свобода мысли, и в область познания должно придти духовное познание. Социальное понимание, свобода мысли, духовное познание — вот три великие цели, три главных импульса Пятой послееатлантической эпохи. Мы должны развиваться в свете этих путеводных огней (Lichter), ибо это правильные путеводные огни для нашего времени. Многие люди интенсивно чувствуют, что нечто подобное необходимо, а именно что должен наступить другой вид современной совместной жизни людей, что должны придти другие понятия. Но людям недостает окончательной последовательности — либо для доброй воли, либо в познании. Это можем мы наблюдать как раз в том, как иные люди относятся к устремлениям духовной науки, или антропософии. При этом мы можем и не иметь вовсе в виду злонамеренно клеветующих на духовную науку, теософию или антропософию, либо как-то иначе злонамеренно, враждебно и злонамеренно выступающих против. Нет, мы можем иметь при этом в виду вполне почтенные намерения, ведь в современном человечестве имеется достаточно честных намерений, стремящихся к осуществлению в человечестве чего-то, что лежит в направлении правильных импульсов Пятой послееатлантической эпохи. Подумайте лишь: сколько реформаторов выступают в самых разных областях, сколько социальных пастырей, всяческих социальных проповедников — в том числе и принадлежащих к вне-религиозным, вне-теологическим кругам. Как часто это выступает, будучи одушевлено самыми замечательными намерениями! Хотят вести людей к чему-то, к чему действительно подталкивает сама жизнь в наше время! Добрая воля во множестве случаев имеет место, и мы хотим сейчас рассмотреть то, что зачастую исходит как раз из доброй, а не злой воли. Однако, до тех пор пока эта добрая воля остается в пределах лишь общих рассуждений, будь они даже несомы жаркими чувствами, это ничему не помогает, если не становится живым познанием, способное придти только из духовной науки, чтобы могли осуществиться три великих идеала: социальное понимание — то есть социальное знание человека,— свобода мысли, духовное познание. Однако, в наше время понимание людей еще даже не приблизилось к этому, за исключением той маленькой горстки, что сплотилась в духовнонаучном мировоззрении.

Мы можем сегодня принимать во внимание немало прекрасных, благородных воззрений в этом направлении. Я хотел бы дать вам один такой пример, полученный мною, как говорится, случайно, в действительности же пришедший, конечно, через карму, а именно что я просто в магазинной витрине заметил

книжку, которую я вследствие некоторого впечатления от её названия купил себе. Там говорится о современном человеке, о том, чего этот человек ищет, под воздействием каких впечатлений вырастает этот современный человек. Говорится, сколь многое есть в окружающем современного человека мире такого, что благоприятствует этому современному человеку, делает для него жизнь удобной, облегчает ее, и что жизнь под влиянием определенных удобств, принесенных новейшей паровой силой, новейшим электричеством, есть одно сплошное удовольствие; обо всем этом идет там речь. И хотя современный человек и вошел в более подвижную, бурливую (*rasenderes*) жизнь, чем это было в прошлые времена, жизнь его тем не менее стала богаче. Все это подчеркивается с определенной радостью, с определенной прочувзованностью; на примерах выдающихся культурных явлений новейшего времени представлено, насколько современному человеку лучше по сравнению с более смутной, жалкой, определявшейся инстинктами жизнью прошлых времен. Но затем там глубоко подчеркивается и нечто другое, там верно представлено то, на что я уже здесь указывал как на трудности Пятой послеплатонической эпохи. Не понимается только, что они прямо вытекают из особенностей Пятой послеплатонической эпохи и ее требования — формирования души сознательной. Нет ясного и отчетливого видения этого. Вот в чем дело. Но для чувства сердце открыто. Там говорится: «Странно: описание внутреннего хода развития нашего времени мы вправе были бы завершить жизненной радостью, радостью бытия. Но мы вынуждены в конце этой части говорить об идущем из глубины, внутреннем гнетущем душевном разладе. То, что мы в малом переживаем здесь, наше время испытывает в большом», — под «малым» он подразумевает то место, где он как раз теперь живет. И далее: «Полнота культуры несравненна, жизнь разворачивается с такой силой и красотой, как вряд ли еще когда-либо в истории; и при этом — душевный разлад, который надвигается и охватывает целые народные слои».

И вот, после того, как этот человек столь справедливо представил все это, он продвигается далее, к тому, чтобы уже не ограничиваться лишь не приносящим помощи изображением этого душевного разлада, но найти что-то, способное правильным образом направить импульсы новейшего человечества. Среди различных таких вещей он указывает теперь и то, что он называет теософией, — насколько он с теософией знаком. Мы видим здесь, в отличие от многих враждебно настроенных людей, человека, который подходит к этой теософии с доброй волей, с самой доброй волей, с волей действительно узнать что-то о ней, который и в самом деле с ней познакомился и потому заслуживает нашего внимания. Поистине, не как чьи-то досужие разглагольствования (*Albernheit*) привожу я вам это, но потому что как раз действительно очень важно и существенно, чтобы мы заботились и о подобных позитивных взаимоотношениях нашей духовной науки с внешней жизнью.

После того, как этот человек рассказал о том, что существует мистика, которая не только не опускается до известного рода псевдомистики, но хочет как раз способствовать углублению жизни, избавлению от душевного разлада, он говорит: «Рядом с мистикой стоит теософия. Есть многие, кто усматривает в ней всего лишь стремление поставить суррогаты на место проверенных временем сил, либо же находят в ней одну только тенденцию к синкретизму, к эклектизму» — то есть к соединению различных религиозных исповеданий и мировоззрений. Те, кто не вникали ближе в духовную науку, говорят ведь, что в ней пытаются оживить гностицизм и так далее; но этот человек делает шаг дальше. Итак, он говорит: «Те, кто находят в ней лишь тенденцию к синкретизму и эклектизму в соответствии с собственными индивидуальными наклонностями, те сами смешивают ее с очень светлыми побочными явлениями современной жизни — с суевериями, спиритизмом, видениями духов, символизмом и прочими духовными забавами, что привлекают людей своей таинственностью. Однако, это не так. Было бы несправедливо не признать в этом движении стремящихся к выражению глубоко внутренних связей и ценностей». — Мы имеем, стало быть, дело с человеком доброй воли. Он говорит: «Мы должны по крайней мере в отношении круга, собравшегося вокруг Штейнера, пытаться понять теософию скорее как религиозное движение среди наших современников, пусть даже и не самобытного (*ursprünglicher*), но лишь синкретического рода, раз она при этом согласуется с основой всей жизни;» — я надеюсь, он еще обнаружит и самобытность, этот человек, раз уж он имеет столько доброй воли, — «мы могли бы рассматривать ее как движение к удовлетворению сверхчувственных интересов людей и, значит, как возвышение над привязанным к чувственному реализмом; мы могли бы признать ее прежде всего как движение, призывающее людей к собственному размышлению над стоящими перед ними нравственными проблемами, как движение, которое стремится к работе над внутренним возрождением, исходя из тщательного внимания к самовоспитанию», — как говорилось, я зачитываю это не из ощущения здесь некой благосклонной болтовни (*Albernheit*); напротив, при том, что обычно говорится об антропософии, представляется как раз немаловажным, чтобы мы знакомились и с такого рода суждениями. Далее читаем: «Достаточно прочесть лишь штейнеровскую книгу, вводящую в теософию, чтобы заметить, с какой серьезностью там указывается людям на необходимость работы над своим нравственным очищением (*Läuterung*) и самосовершенствованием. Книга, кроме того, с ее устремленными к сверхчувственному умозрениями, является реакцией против материализма». А теперь следует нечто, на что я прошу вас особенно обратить внимание: «Правда, при этом она легко утрачивает почву реальности и воспаряет (*versteigt sich*) в гипотезы, в ясновидческие фантазии, в царство грез, так что ей не остается достаточно сил для действительности индивидуального и социального жизнеустройства. Но все-таки мы хотим и должны отметить теософию как положительное явление (*Korrekturerscheinung*) на путях формирования современности».

Итак, единственное, по сути дела, что не нравится этому человеку, — это продвижение к духовознанию, к конкретному, реальному духовознанию. То есть он желал бы того, что также и по его мнению может исходить от теософии как импульсы совершенствования человека; но он не знает еще, что они могут приходить теперь, в Пятой послееатлантической эпохе, только из действительного, конкретного духовознания. Он не знает корней. Он хотел бы иметь плоды без корней. Он не видит всей взаимосвязи. Именно такой человек особенно интересен, потому что он даже, как видно, с самоотверженностью изучал мою книгу «Теософия», но при этом совершенно не видит, что одно без другого не существует. Ему хотелось бы отсечь голову этой книге, оставив однако в то же время тело; ибо он считает это тело чем-то ценным.

Это прямо относится к тому, о чем я говорил вам ранее. Такие люди уже сознают необходимость и социального понимания, и свободы мысли, но вот что третье — духовознание — должно формировать основу для нашей Пятой послееатлантической эпохи, этого они еще пока признать не хотят; это то, к чему они пока прийти не могут. И это одна из важнейших задач духовнонаучного мировоззренческого движения: пробудить понимание также и для этого. Пока еще множество людей называют восхождение в духовные миры чем-то фантастическим. Они именно не видят, что как раз утрата познания духовных миров породила в новейшее время материализм и связанное с ним отсутствие социального взаимопонимания, породила материалистическую жизнь и материалистическое воззрение на жизнь. Именно в связи с такими людьми доброй воли должны мы поразмыслить о том, насколько трудно еще сегодня людям признать закономерность (*die Notwendigkeit*) существования конкретных духовных миров. И потому сами мы тем более должны пытаться обрести понимание для тех импульсов, о которых я хотел говорить в сегодняшней лекции.

Книжечка, о которой я говорил, называется «Идейный мир интеллигенции. Проблемы и задачи». Она вышла в 1914 году в Гамбурге в издательстве «Раухенхауз» и содержит лекцию, прочитанную 23 сентября 1913 года профессором Фридрихом Малингом на 37-м конгрессе «Внутренней миссии» в Гамбурге*. Я поражаюсь только тому, что никто из нашего круга именно об этой книге даже и не упоминал, хотя тот или другой вполне мог держать ее в руках, учитывая, что вышла она уже в 1914 году, — как говорилось, мне в руки она попала на днях совершенно «случайно» из витрины книжного магазина. А ведь было бы, по сути дела, необходимо, чтобы мы уделяли внимание (*uns zu kümmern*) разнообразным связующим нитям, протягивающимся сегодня туда и обратно между различными областями. Конечно, приходится уделять внимание совсем иному нюансу, который проявляется как раз гораздо чаще: страшной ругани в адрес нашего движения и его высмеиванию. Однако, даже и при этом все же возможно уделять должное внимание подобному (*darum kümmern*), когда самым честным образом ищется понимание и мы можем прямо проследить, какие трудности испытывает человек, искреннейшим образом стремящийся понять.

Сегодняшнюю лекцию я хотел построить таким образом, чтобы показать, каковы должны быть три великих идеала, конкретные идеалы для Пятой послееатлантической эпохи: социальное конкретное понимание человека, свобода мысли, духовознание. Эти три конкретных идеала должны в будущем давать направление наукам. Они должны облагораживать и очищать жизнь, должны давать импульсы для морали, должны на самом широком поприще становиться для современного человечества ориентирующими, дающими направление, проникающими жизнь и способствующими жизни. Не могут, однако, оба первых требования — социальное понимание и свобода мысли — быть осуществлены, если духовознание не присоединится как третье, ибо должна быть развита душа сознательная. Эта душа сознательная имеет как самую свою высшую ступень Самодух, начало которому должно будет закладываться в Шестом послееатлантическом культурном периоде. Но он не сможет быть развит, если не окажется подготовлен тем внутренним обретением самостоятельности, которое должно быть достигнуто через раскрытие души сознательной. Вот что мы должны принимать во внимание наряду с прочим в нашем духовнонаучном стремлении.

То, что мы узнаём как абстрактные истины, в действительности несет в себе волшебную силу, которую лишь нужно высвободить, чтобы бросить ясный свет на всю жизнь. И где бы в жизни ни стоял отдельный человек, будь это та или иная область науки, та или иная область практической работы, пусть даже самой обыденной работы, но если человек умеет сделать в своей области живым то, что мы воспринимаем на наших встречах в виде абстрактных истин, — такой человек становится в должном смысле сотрудником в великой работе нашего времени. И тогда душа человека проникается определенным радостным настроением, который не является лишь жизнерадостной поверхностностью, но правомерно связан с серьезностью, которая оказывается животворной, умножает наши силы и не только позволяет нам наслаждаться жизнью, но и делает нас в жизни превосходными работниками.

В этом смысле три приведенных конкретных социальных идеала, будучи также познавательными идеалами, — они и есть то, что даст душе сознательной способность новым образом постичь в Пятой послееатлантической эпохе Мистерию Голгофы, воспринять Христа; ибо мы должны завязывать реальную связь с духовными мирами, узнавать, в каком отношении и они, со своей стороны, находятся к центральному импульсу земного развития, Импульсу Христа. Но таковым становится для нас Импульс Христа только (*erst*) под влиянием мыслей, которые входят из духовных миров в земное бытие, — входят благодаря тому [в свою очередь], что в земном бытии со времени Мистерии Голгофы в человеческих душах могут возникать, словно светящиеся точки,

мысли, которые ясными звездами восходят утешающе — как я обрисовывал — даже вверх к миру Ангелов, утративших Христа из их сферы, но затем узревающих Его сияющим им навстречу из сферы человеческих мыслей.
[6]

Нет, духопознание не есть нечто, что может быть охарактеризовано как фантастика; духопознание стремится как раз к тому, чтобы обрести влияние на [нашу] действительность, из которой тогда сможет быть устранён душевный разлад, неизбежным образом связанный с Пятой послеатлантической эпохой. Об этом хотел я сегодня говорить к вам.

[1] Основательный и углубленный обзор основных периодов развития земного человечества российский читатель может найти в книге «Очерк тайноведения» и других трудах Рудольфа Штейнера, изданных на русском языке в 90-е годы. Здесь же в помощь читателю, впервые встречающему эти сообщения духовной науки, приводим краткий их обзор и характеристику послееатлантического времени, сделанные в книге Т.Кузнецовой «Цветаева и Штейнер» (М., 1996. С. 96~99) и привлекающие своей лаконичной ёмкостью:

«Духовная наука углубляется в бесконечно далекое прошлое Земли и прослеживает ее развитие. Периоды развития человечества на Земле резко разделяются на доатлантический и послееатлантический. Здесь мы не будем останавливаться на этих грандиозных картинах, а только скажем, что история человечества после Атлантиды охватывает семь культурных периодов. Эти периоды получили свое название от тех цивилизаций и рас, которые в соответствующую эпоху имели или будут иметь решающее влияние на общий ход исторического развития. Выделяются:

древнеиндийский,
древнеперсидский,
египетско-халдейский,
греко-латинский,
европейский,
славяно-русский и
американский культурные периоды.

Мы сейчас живем, указывает антропософия, где-то в середине Пятого, т.е. европейского культурного периода, который начался в XIV—XV веках. В предыдущем, греко-латинском периоде, начавшемся приблизительно в VIII веке до н.э., произошло событие Христа — Мистерия Голгофы, — которое духовная наука рассматривает как основное событие всего земного развития. При переходе от египетско-халдейской к греко-латинской культуре изменился весь душевный склад человека: от древнего внутреннего ясновидческого познания человек все больше переходил к познанию путем логического размышления, рассудка и внешних чувственных восприятий. В течение всего греко-латинского периода шло становление души рассудочной (или души рассудка и характера), люди все более удалялись от непосредственного восприятия духовно-душевного мира. И это нормальный ход эволюции человечества. Лишь у отдельных индивидов еще сохранялись остатки древнего сумеречного ясновидения, бывшего некогда общим достоянием человечества. Поньше остаются люди, несущие в себе ясновидение как наследие древности, но это уже пройденный этап развития, и прежние душевные способности теряют свое значение. Для нового времени — европейской культуры, когда идет раскрытие в человеке его «Я»-сознания, становление души самосознающей (или души сознательной), — древнее ясновидение больше непригодно. Человеческая жизнь приспособляется к новым способностям. Появляются люди, которые совершенно сознательно в придачу к уже достигнутому человечеством силам рассудка и внешних чувств развивают в себе иные, высшие силы, способные привести их к сверхчувственному познанию. Это посвященные нового времени.

Пятый культурный период, в котором ныне пребывает человечество, характеризуется тем, что развивающиеся душевные силы человеческого «Я» все в большей степени будут находить удовлетворение в сверхчувственных познаниях. И тем самым будет приближаться будущий Шестой период — славяно-русский, который Рудольф Штейнер характеризует как эпоху становления первого из высших элементов человеческого существа — Самодуха... в будущем у достаточного числа людей ясновидение будет проникнуто собственной силой рассудка и личного чувства, которые укрепятся «Я»-сознанием, выработанным в нынешнем, Пятом периоде.

Пятый и Шестой культурные периоды являются в известном смысле решающими для развития души. Именно при переходе из Пятого в Шестой период все будет зависеть от самих людей. Люди сами научатся создавать себе условия, чтобы идти наравне с общим развитием жизни, чтобы овладеть способностями проникновения в духовные миры силами рассудка и чувства. Души, внутренний мир которых не будет отвечать общему уровню развития жизни на Земле, окажутся отставшими, и позднее, при изменившихся условиях, почти не останется возможности нагнать упущенное.

...Но в будущем царство добрых людей, как находящихся на более высокой ступени, будет преображать и облагораживать отставшую часть человечества так, чтобы и она могла участвовать в дальнейшем развитии на правах особого земного царства. ...Для будущей гармонии «Я» в космосе, к мудрости, накопленной в результате прошлых эпох, должна присоединиться новая сила. Это сила любви. Весь описанный процесс, начиная с греко-латинского периода и вплоть до настоящего времени, являет собой тот посев, который должен созреть как любовь. «Мудрость есть условие любви. Любовь есть плод возрожденной в «Я» мудрости.» (Р.Штейнер.«Очерк тайноведения»).

[2] Можно было бы даже сказать, что сегодня оказывается уже и, так сказать, «технически» неправильным исходить в своих взаимоотношениях с ближними из симпатии и антипатии, В упомянутые Рудольфом Штейнером

ранние времена прохождения человеческих душ через земное бытие (и это продолжалось даже еще до конца Четвертого послеплатонического культурного периода) то, что ощущается ныне как симпатия и антипатия, было, вероятно, составной частью того инстинктивно-ясновидческого восприятия окружающего мира и других существ, которое позволяло безошибочно, «одним махом» завязывать отношения, либо, напротив, избегать неблагоприятного почему-либо сближения с ними. Сегодня же отдача этим ощущениям может лишь заглушить пока еще слабо переживаемые при встрече людей, всплывающие из их прошлых инкарнаций уже «наработанные» и безусловно выстраданные отношения друг к другу, помутить эту неразрывную преемственность подспудных, практически еще не осознаваемых взаимосвязей и совместных задач человеческих индивидуальностей в последовательном их жизненном продвижении.

Важно и то, что к настоящему времени человек несомненно утратил древнюю ясновидческую способность безошибочно различать враждебное и дружественное ему в окружающем мире, в других существах. В отличие от этого, сегодняшние проявления симпатии и антипатии обусловлены, как правило, вовсе не непосредственным объективным впечатлением, а по большей части как раз предвзятым, несвободным, заданным разного рода традиционными, национальными, идеологическими, конфессиональными, а то и общественно-мифологическими факторами. На место всего этого и должно, как следует из текста лекции, прийти стремление и умение давать всплыть в своей душе ощущению протянувшейся из прошлого внутренней связи, наверняка имеющей место сегодня уже фактически при каждой серьезной встрече между людьми. Это и может позволить осуществлять преемственное продолжение совместной работы душ, идущей через земные инкарнации.

Но есть также и иной, так сказать, оккультно-качественный аспект этой коллизии, намек на который можно встретить, например, в одном из знаменитых герметических трактатов — так называемых Фрагментах Стобея (V-IV вв. до н.э.). «Существует три рода душ: божественная, человеческая и бессловесная... Что касается души человеческой, она также имеет нечто божественное, но, кроме того, к ней привязаны части, лишенные рассудка — отвращение и вожделение... Они значительно удалены от части божественной... Но когда эта божественная часть оказывается в смертном теле, эти иные части также входят в него, и всегда с их приходом душа становится порочной. Души же тварей бессловесных полностью состоят из отвращения и вожделения. По этой причине существа этого рода называются лишенными рассудка, ибо они лишены рассудочной части души». (Фрагм. III, ст. 5, 7, 8. Цит. по изданию: Гермес Трисмегист и Герметическая традиция Востока и Запада. - М., 2001. С. 139-140.)

[3] Из сообщений Рудольфа Штейнера об оккультных сторонах феномена национализма:

«...Почитать нацию как нечто особенное означает сегодня способствовать ариманическому заблуждению. Нации — это остатки дохристианских времен, современное человечество должно выйти за их рамки». (Лекция 7 сентября 1918 г. ПСС, т. 184).

«...Истина огромного значения заключается в том, что человек коренится в каком-то народе только одним своим воплощением. В индивидуальном же своем существе человек представляет собой нечто совсем иное, он несет в себе бесконечно больше и бесконечно меньше того, что содержится в Душе народа. Идентифицировать себя с Душой народа не имеет в реальности никакого смысла, если это выходит за пределы того, что выражается словами: любовь к родине и т. д.» (Лекция 17 декабря 1916 г. ПСС, т. 173).

«...Что означает антипатия к какой-либо нации? Она означает предчувствие: в этой нации будет мое следующее воплощение! В подсознании высшее «Я» уже связывается с другой нацией... Так что человек ярится против собственного высшего «Я». И если многие в одной нации неистовствуют против другой, значит, в ближайшей инкарнации они перейдут в ту, другую нацию». (Лекция 31 октября 1915 г. ПСС, т. 157).

«...В бодрственном состоянии человек обменивается силами со своей народной Душой, в состоянии же сна — с хороводом всех других народных Душ. ...Если человек в бодрственном состоянии ненавидит какую-либо народную Душу..., тогда во время сна он связан лишь с нею одной и ее особенностями, ...выражаясь тривиально, он спит с нею! Такова оккультная истина, потрясающая истина!» (Лекция 12 декабря 1914 г. ПСС, т. 156).

«...Есть лишь одно, благодаря чему в состоянии, свободном от тела, то есть во сне, можно оказаться как бы приговоренным, совершенно определенно приговоренным к вырванности из нормальной совместной жизни с хороводом народных Душ и к пребыванию лишь с одной чужой народной Душой. Поймите меня хорошенько! Это не нормально — быть вместе с одной чужой народной Душой, но этого можно добиться, ненавидя с особой страстью эту другую народную Душу. Тем самым обрекаешь себя на вырванность из хоровода всех других народных Душ и на совместную жизнь в состоянии сна именно с этой народной Душой, тогда как в состоянии бодрствования живешь вместе с собственной народной Душой. ...Нормальная жизнь человеческой души во время сна состоит в том, чтобы быть вместе со всем хороводом других Народных Душ данной эпохи. О том, чтобы человек не становился односторонним, заботится мудрое устройство мира». (Лекция 3 декабря 1914 г. ПСС, т. 174-а).

«...В настоящее время мы, в высшем смысле слова, переживаем переход. Любая зависимость от групповой душевности постепенно должна отмереть. Пропasti, разделяющие души, все более и более исчезают, ...на передний план выступает индивидуальное отдельных людей». (Лекция 4 декабря 1909 г. ПСС, т. 117).

«...Национализм есть люциферический образ антихристианства.» (Лекция 3 апреля 1920 г. ПСС, т. 198).

«...Христос должен осуществить важное деяние в Пятом, а также в Шестом послеатлантическом периоде, а именно — стать для Земли помощником в преодолении, окончательном преодолении всего того, что проистекает из национального принципа». (Лекция 22 января 1917 г. ПСС, т. 174).

[4] Приводим сказанное Рудольфом Штейнером в другом месте в этой связи: «Важнее всего, чтобы в людях пробудилось страстное стремление к освобождению духовной жизни, осознание того, что нельзя называть себя христианами, не понимая евангельских слов: «Царство Мое — не от мира сего». ...Ни внешняя церковь, ни государство не в состоянии реализовать этого царства. Осуществить это царство способна только воля отдельных людей, которые живут свободной духовной жизнью.». (Лекция 21.02.1920 г. ПСС, т. 196).

[5] Здесь можно вспомнить знаменитое требование Игнатия Лойолы, основателя Ордена иезуитов («Общества Иисуса»), поставленное в его книге духовных упражнений: «Чтобы повсюду встречать верное, мы должны всегда утверждать: я верю, что белое, которое я вижу, есть черное, если так определяет это иерархическая Церковь.» (Цит. по изд. I. Loyola. Die Exerzitien. Freiburg, 1993, S. 112.)

Сегодня, оглядываясь на небывалые катастрофы, постигшие человечество в истекшем веке, чувствуешь весь трагизм неслышанности, который должен был жить в душе духовного исследователя, всеми силами пытавшегося призвать современников к бодрствованию перед лицом разверзавшихся уже перед ними нравственных и социальных пропастей. Ярким подтверждением тех совершенно реальных опасностей, что несет людям «зашнурованность» предписаниями авторитета, может служить известный опыт, поставленный уже в наше время в одном из американских университетов профессором С.Милгремом: «...Последний хотел проверить способность индивидуума сопротивляться власти авторитета. Он выбрал добровольцев для так называемого научного опыта. Некий «научный авторитет» заставлял этих добровольцев применять электрошок к жертве, на самом деле — актеру. По мере того, как удары тока становились все более интенсивными, «жертва» стонала, вопила, звала на помощь, наконец затихала, разыгрывая настоящую смерть. Два добровольца из трех, обыкновенные мужчины и женщины, такие, как ты и я, исключительно из подчинения авторитету — здесь научному — наносили человеку, им совершенно незнакомому, удары, которые полагали смертельными, не испытывая ни малейшей жалости к своей жертве...» — (цит. по кн. А. Вивьерки «Как я объяснила моей дочери, что такое Освенцим». - СПб., 2001. С. 45). Приходится утешаться уже тем, что в среднем один из троих, как видно, находил возможность оставаться при здравом смысле и человеколюбию...

[6] Ср. также сказанное ранее в лекции о помощи, получаемой от духовных существ, обусловленной мыслями людей о них.

Представляется уместным напомнить читателю, уже работавшему какое-то время с лекциями Рудольфа Штейнера, об одном исключительно важном аспекте этой темы — возможности духовного взаимодействия человечества с высокими Иерархиями и привести в данном месте выдержку из книги С. О. Прокофьева «Встреча со злом и его преодоление в духовной науке» (М., 1999. С. 31) - «...согласованно и целенаправленно действуют в современном мире различные силы зла. Поэтому противостоять им возможно лишь на основе конкретного знания об их сущности, происхождении и целях, т.е. во всеоружии конкретного оккультного знания о них, которое сегодня можно получить только из духовной науки. Такое глубинное понимание происходящего особенно необходимо в наше время еще и потому, что лишь оно открывает действительные источники сверхчувственной помощи, в которой сегодня как никогда нуждается человечество.

В этой связи можно привести следующее воспоминание Иты Вегман об одном ее разговоре с Рудольфом Штейнером, в котором он указал на то, что «только люди в состоянии познать тайны демонов. И боги [Иерархии] ожидают этих тайн, которые им могут передать люди...» — (курсив составителя). Поэтому, «когда люди приносят как жертву богам эти отвоеванные у демонов тайны, тогда темные деяния этих демонов могут быть предотвращены [Иерархиями], и там, где царил тьма, может снова засиять духовный свет» («К друзьям», статья от 4.10.1925 г.).

* Речь идет об одном из тогдашних конгрессов в рамках протестантского социально-просветительского движения «Внутренняя миссия» (прим. редактора).

© Перевод с нем. Эвелис Шмидт (Издательство «Свободная духовная жизнь», Штутгарт/Германия), под редакцией А. С. Конвиссера

© Издательство им. Вл. Соловьева, 2002